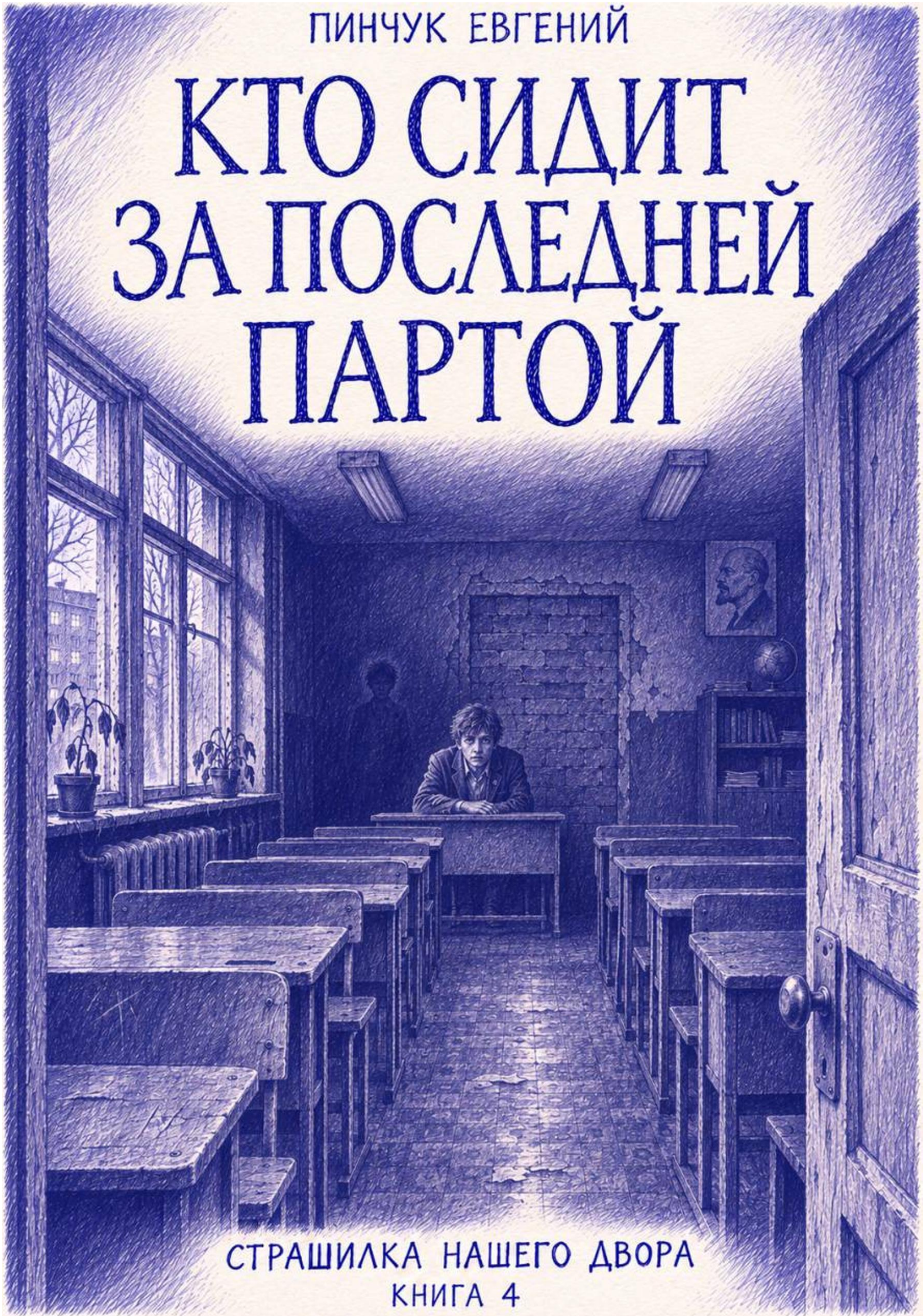
ПИНЧУК ЕВГЕНИЙ

КТО СИДИТ ЗА ПОСЛЕДНЕЙ ПАРТОЙ

СТРАШИЛКА НАШЕГО ДВОРА

КНИГА 4

Евгений Пинчук

Кто сидит за последней партой

«Автор»
2026

Пинчук Е. В.

Кто сидит за последней партой / Е. В. Пинчук — «Автор», 2026

Пермь, ноябрь 1988 года. На перекличке Миша Белов отвечает «здесь». Учительница ставит ему «н». Нина Сорокина видит одноклассника за последней партой и сначала думает, что произошла обычная ошибка. После звонка Миша пытается выйти из кабинета. Нина встречает его у двери, оборачивается - он опять сидит на прежнем месте.К вечеру в школу приезжает его мать. Директор вызывает врачей, взрослые проверяют двери и окна. Миша всё ещё в классе. Ночью из пустого коридора доносится стук учительских туфель, и над его тетрадью появляется рука с мелом.Нина и её подруга Рита находят в школьном архиве фамилию мальчика, пропавшего семь лет назад. Напротив неё тоже стоит отметка об отсутствии. Его мать до сих пор хранит тетради и ждёт, что сын вернётся с уроков.Пока Нина ищет тех, кто видел его последним, в кабинете появляются новые ученики. За дверью их ждут родители. Урок продолжается, и никто из сидящих за партами не знает, что нужно написать, чтобы их отпустили домой.

© Пинчук Е. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 8
Глава 3 10
Глава 4 12
Глава 5 14
Глава 6 16
Глава 7 18
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Евгений Пинчук
Кто сидит за последней партой

Пинчук Евгений
Страшилка нашего двора
Книга 4
Кто сидит за последней партой
Повесть
Пермь 1988 год

Глава 1

Отсутствует

В понедельник Миша Белов принёс в школу чужую куртку. Свою он оставил у двоюродного брата, а в этой рукава закрывали пальцы и пахли машинным маслом. Нина помогла ему подвернуть манжеты возле гардероба. На подкладке обнаружился прожжённый кружок, аккуратно зашитый красными нитками. Миша сказал, что брат служил в армии и умел штопать даже сапоги. Нина не поверила насчёт сапог, зато куртка была тёплая. Она сунула руки под мышки: в школе до сих пор слабо топили, и над входом в пристройку висело старое одеяло.

За выходные в двадцать четвёртый кабинет вернули деревянные парты. Пока чинили пол в другом крыле, школьные столы переставляли из комнаты в комнату; теперь у окна теснились три ряда тяжёлой мебели с крышками, изрезанными надписями. На последней парте среднего ряда кто-то глубоко вырезал прямоугольник, словно собирался вынуть из дерева кусок. Миша провёл по нему ногтем и сел. Раньше он сидел рядом с Женей Сазоновым, однако Женя дежурил в столовой, а Миша хотел переписать у Нины упражнение. Она положила тетрадь на край его парты и сразу предупредила, что третье предложение у неё неправильное.

Нина подняла крышку своей парты и нашла под ней засохшую пластинку пластилина. Она отковырнула её линейкой, скатала в шарик и положила в бумажку, чтобы выбросить на перемене. Рита заняла место у окна: там лучше было разглядывать фотографии, хотя зимой от рамы дуло. Девочки раньше сидели вместе, но в сентябре поссорились из-за стенгазеты. Рита убрала из Нининой заметки последний абзац, не спросив, а Нина в ответ не пришла оформлять заголовок. Теперь общались, будто ссоры не было, только оставляли между собой лишний стол. Миша спросил, не помешал ли, и обе ответили слишком быстро. Он заметил, усмехнулся, но подкалывать не стал. Вместо этого вытащил из портфеля треснутую линейку, приставил к вырезанному прямоугольнику и сказал, что кто-то делал люк для шпаргалок. Нина ответила, что такой люк провалился бы вместе со шпаргалкой прямо на колени учителю. Миша показал ей, где дерево тоньше, велел потрогать. Под пальцами была гладкая поверхность, затёртая многочисленными ладонями, и одна острая заноза. Нина отдёрнула руку. Белов вытащил занозу своим ногтем, аккуратно положил на бумажку с пластилином и задвинул крышку. Всё происходило лениво, в ожидании первого звонка. У девочки потом осталось ясное воспоминание об этом коротком движении: чужая рука помогает без просьбы, никто не смотрит на дверь.

Ольга Викторовна вошла после звонка. Ей было чуть больше двадцати, на воротнике платья блестела медная булавка в виде листа. Она преподавала у них только с сентября и ещё проверяла фамилии по рассадке. Нина ей сочувствовала: девятый Б не считался трудным, но каждый новый учитель первым делом узнавал, что считаться и быть означало разные вещи. Мальчики продолжали спорить о вчерашнем хоккее. Рита Лукина прятала под учебником отпечаток фотографии. С потолка капало в эмалированный таз возле батареи, и каждый раз кто-нибудь негромко говорил: «Есть попадание».

Учительница открыла журнал, разгладила лист ладонью и начала перекличку. У Белова она остановилась. Миша поднял руку с карандашом, не отрываясь от тетради. Ольга Викторовна посмотрела прямо на него. На лице у неё появилось странное выражение: будто она ждала продолжения ответа, которого остальные не слышали. Потом ручка опустилась к странице. Нина видела движение сбоку, через проход: маленькая синяя буква, две палочки и перекладина. Обычное «н».

- Он здесь, - сказала Нина. - Миша здесь сидит.

Несколько человек обернулись. Миша наконец поднял голову и улыбнулся, приготовившись к шутке. Учительница перевела взгляд на Нину, затем снова на него. Она не выгля-

дела рассеянной. Скорее огорчённой, как человек, которому только что сделали замечание за хорошо известную ошибку. Ручка всё ещё касалась бумаги.

- Я вижу, Сорокина. Откройте учебники на восемьдесят шестой странице.

Рита спросила, почему тогда отмечено отсутствие. Вопрос прозвучал громче, чем она рассчитывала, потому что мальчики разом замолчали. Ольга Викторовна закрыла журнал своей тетрадью и повторила номер страницы. У Миши перестала двигаться рука. Он посмотрел на одноклассников так, словно проверял, не договорились ли они заранее. Потом аккуратно дописал слово, отдал Нине тетрадь и достал учебник. Красный шов на отвёрнутой подкладке торчал из-под парты маленьким косым ртом.

Урок продолжился без происшествий. Мишу вызвали читать предложение с прямой речью, он перепутал слова автора и цитату, получил замечание. Учительница несколько раз обращалась к нему по фамилии. Нина думала о синей букве. Если бы Ольга Викторовна признала ошибку или рассмеялась, история закончилась бы ещё на перекличке. Вместо этого каждый раз, глядя на Мишу, она на секунду задерживала дыхание. Нина заметила это трижды и перестала смотреть на неё, потому что собственное дыхание тоже начало сбиваться.

На перемене Белов остался искать колпачок от ручки. Нина с Ритой вышли к подоконнику, где можно было поставить локти на тёплую батарею. За стеклом дворник колол лёд возле водосточной трубы. Снег выпал рано, потом растаял сверху и схватился тяжёлой коркой. От школы до трамвайной остановки тянулась дорожка с чёрными проталинами. Мимо прошла Лидия Семёновна с коробкой мела. Она остановилась у двери двадцать четвёртого кабинета, заглянула внутрь и почему-то пересчитала парты, шевеля губами. Нина хотела спросить про отопление, но женщина быстро ушла.

- Белов, ты идёшь? - крикнула Рита.

Он показался в дверях с портфелем. На ходу застёгивал ремешок и сказал, что кто-то прилепил колпачок снизу к крышке. Потом шагнул через порог. Нина отвернулась к окну, чтобы пропустить пятиклассников с мокрыми тряпками. Когда снова посмотрела в коридор, Миши рядом не было. Дверь кабинета стояла открытой. Он сидел за последней партой, положив портфель на колени, и смотрел на них с недовольным удивлением.

Рита засмеялась. Нина тоже улыбнулась, хотя самого смешного движения не увидела. Она решила, что Миша успел вернуться за чем-нибудь. Он поднялся, дошёл до двери и придержал её для младшей девочки, которая несла таз с грязной водой. Девочка прошла мимо Нины, выплёскивая воду на ноги. За её спиной Белов исчез из проёма. В глубине кабинета скрипнула крышка парты.

Теперь Нина смотрела внимательно. Миша стоял возле своего места, всё ещё держа руку так, словно придерживал дверь. Он медленно опустил её. В пустом классе было слышно, как капает вода в таз у батареи. Только таз уже унесли: девочка поставила его у раковины в конце коридора. Миша повернул голову к звуку, затем к Нине. Его улыбка стала напряжённой, чужой для его лица.

- Хватит, - сказал он. - Я сейчас ещё раз выйду. Только вы смотрите.

Глава 2

После звонка

Рита встала с одной стороны двери, Нина с другой. Они сами не обсуждали, зачем это делают. Вокруг шла обычная перемена: кто-то волок через коридор карту мира, Женя прибежал из столовой с пятном киселя на рубашке. Миша поставил портфель на подоконник внутри класса и подошёл к порогу. Нина следила за его ботинками. Правый переступил металлическую полоску, левый оттолкнулся от пола. В тот же миг за последней партой заскрипел стул. Нина подняла глаза и увидела Мишу возле него. Коридор оставался пустым на том месте, где только что было его плечо.

Женя решил, что они показывают фокус. Он вошёл в класс, обошёл парту, заглянул под крышку. Там лежали два высохших яблочных огрызка и клочок старой газеты. Миша схватил его за рукав, потащил к выходу. Мальчики переступили порог вместе. Женя налетел на Нину, ударился грудью о дверной косяк и выругался. В его пальцах осталась пуговица от чужой куртки. Миша стоял у парты, прижимая ладонь к груди. На ткани возле воротника белел оборванный кружок ниток.

Девочки больше не смеялись. Нина взяла пуговицу у Жени. Она была настоящая, тёплая от его руки, с серым налётом в отверстиях. Нина слишком сильно стиснула её пальцами, почувствовала боль и ослабила хватку. Ей хотелось, чтобы кто-нибудь объяснил случившееся сразу, уверенно, не оставляя времени думать. Женя начал говорить о запасной двери, хотя прекрасно знал, что в кабинете её нет. Рита велела ему замолчать и пошла за учительницей.

Ольга Викторовна вернулась с чашкой чая. Выслушав Риту, она нахмурилась, поставила чашку на свой стол и попросила Белова подойти. Миша пошёл к ней так быстро, что задел портфель ногой. Учительница взяла его за запястье. Нина увидела, как большой палец женщины побелел от нажима. Вместе они вышли в коридор. Ольга Викторовна сделала ещё два шага и остановилась. Рука у неё была вытянута назад, пальцы сомкнуты на пустоте. Миша сидел за последней партой, и на коже над его ладонью проступали красные пятна от чужой хватки.

Учительница попросила Мишу подать ей учебник через порог. Книга перешла из его рук в её руки без всякой задержки. Затем она вернула её, взяла тетрадь, положила на пол в коридоре. Нина видела фамилию на обложке, загнутый нижний угол, след от промокшей однажды сумки. Ни учебник, ни тетрадь не исчезали. Миша снял куртку, протянул следом. Ольга Викторовна повесила её на собственный локоть. Мальчик остался в рубашке, и Нина вдруг заметила, какой он худой. До этого чужая одежда делала его крупнее. Женя предложил вытащить друга, обмотав поясом, но учительница резко запретила. Она уже чувствовала, как пустота размыкает пальцы, когда тело должно остаться в другом месте, и не хотела проверять, что случится с шеей или рёбрами. Женя убрал пояс обратно, мучительно краснея. Миша попросил вернуть куртку: холодно. Все начали двигаться слишком поспешно, словно обычная просьба давала им возможность исправить хоть что-нибудь. Нина подняла тетрадь с пола и подала ему, держась на безопасном расстоянии от дверного косяка.

- Сядь пока, - сказала учительница.

Он спросил, что значит «пока». Ольга Викторовна не ответила. Достала очки, хотя прежде Нина никогда не видела у неё очков: они оказались в кармане платья, маленькие, в мягком чехле. Женщина надела их, подошла к Мише и осмотрела его руки. После этого попросила остальных выйти. Рита возразила, что тогда никто не увидит, что происходит. Учительница посмотрела на неё с таким испугом, что Рита подчинилась. Нина осталась последней и успела заметить, как Ольга Викторовна снова открыла журнал.

На следующем уроке у них была геометрия в основном здании. Миша не пришёл. Лидия Семёновна отметила, что Белов отсутствует, и Женя вскочил с места. Он говорил быстро, путал порядок событий, показывал на оторванную пуговицу в руке Нины. Учительница слушала молча. Когда Женя дошёл до пустой ладони Ольги Викторовны, она села за стол. Нина заметила, что та не спросила, шутят ли они. Несколько учеников стали переговариваться. Тихий Славик Кудрин сказал, что видел Мишу в коридоре и всё это выдумки. Никто не смог вспомнить, когда именно видел.

- Решайте третий номер, - сказала Лидия Семёновна. - Я сейчас приду.

Она ушла, оставив дверь открытой. Рита достала фотографию из учебника и положила перед собой обратной стороной. Женя начал выводить на полях тетради план кабинета. У него получалась нелепая длинная комната с кривыми окнами. Нина смотрела на пустое место перед собой. После перехода в другой кабинет Мишина парта должна была быть обычной свободной партой, за которой мог сесть любой. Сейчас ей казалось, что место оставили для него нарочно и трогать стул нельзя. Она отодвинула портфель подальше от прохода.

Через десять минут пришла директор. Елена Марковна была в пальто поверх школьного костюма, будто её остановили у выхода. Она попросила никого не покидать класс и забрала с собой Нину, Риту и Женю. По дороге задала каждому один и тот же вопрос: где стоял Миша в тот момент, когда они переставали его видеть? Нина ответила, что он никуда не сворачивал. Директор кивнула, но лицо у неё осталось таким, как на педсовете, когда она слушала скучный доклад и старалась не показать этого. Возле одеяла на входе в пристройку женщина замедлила шаг.

Белов сидел на учительском столе. Ольга Викторовна принесла ему чай, а завхоз Борис Ефимович осматривал дверные петли. На полу лежала отвёртка. Миша увидел друзей и поднял ладонь: мол, всё нормально. Этот жест больно задел Нину. Он явно успел решить, что взрослым мешает его испуг, и теперь старался вести себя удобнее. Директор попросила его пройти к окну. Мальчик спрыгнул со стола, подошёл к подоконнику, потрогал запор. Борис Ефимович велел ничего пока не открывать.

- А журнал? - спросила Нина.

Ольга Викторовна подняла голову. На раскрытой странице возле фамилии Белова стояла жирная синяя клякса. Женщина объяснила, что пыталась исправить отметку, но ручка потекла. Потом взяла другую. Под кляксой всё равно было видно маленькое «н». Нина подошла ближе: чернила пропитали бумагу до следующей страницы, однако сама буква оставалась светлее окружающего пятна. Она напоминала след от предмета, который убрали перед покраской.

За стеной раздался звонок. Миша дёрнулся, посмотрел на часы над доской и слез с подоконника, хотя не помнил, когда успел на него сесть. Его портфель опять лежал на последней парте. Женя стоял рядом с Ниной и сжимал пустую ладонь. Ещё минуту назад он держал ремешок портфеля, собираясь отнести вещи в гардероб.

Глава 3

Чужая перемена

До обеда директор успела вызвать школьную медсестру и позвонить Мишиной матери. В кабинете стало тесно. Никто не хотел произносить вслух, что ребёнок не может пройти через дверь. Говорили о переутомлении, приступе, последствиях испуга. Медсестра измерила давление и попросила Белова коснуться носа закрытыми глазами. Он послушно коснулся. После этого взрослые переглянулись так, будто результат усложнил задачу. Нина стояла в коридоре у открытой двери и видела его профиль. Миша больше не улыбался. Он следил за часовой стрелкой и время от времени проверял карман, где лежала оторванная пуговица: Нина вернула её, когда директор отвернулась.

Девятый Б отправили на оставшиеся уроки. Рита не захотела уходить и получила замечание за спор с директором. Тогда она неожиданно попросила: пусть запишут, что Миша находится в двадцать четвёртом кабинете. Именно находится, сейчас, в присутствии Елены Марковны. Женщина посмотрела на неё внимательно. Достала из папки лист и написала несколько строк. Подпись поставила быстро, с резким росчерком. Рита попросила показать. Директор протянула лист, и Нина увидела слова «учащийся Белов М. А. оставлен под наблюдением». Место указывалось правильно. Рита ничего не сказала, только вернула бумагу двумя пальцами.

На физике Нина не смогла записать условие задачи. Учитель показывал опыт с катушкой, и стрелка прибора ходила туда-сюда. Ей казалось, что за каждым движением сейчас последует скрип Мишиного стула. Женя толкнул её локтем и подвинул свою тетрадь. На полях он написал: «Я видел. Ты видела». Нина взяла карандаш, хотела добавить Риту, но остановилась. Она поняла, зачем он перечисляет свидетелей. Если вечером кто-нибудь убедительно скажет, что мальчик просто отказывался выходить, они могут усомниться в себе. Нина написала время первого случая и нарисовала пуговицу.

На обороте физической задачи Женя дописал, кто именно стоял в коридоре. Нина заметила ошибку: Рита ушла за учительницей после второго опыта, а младшая девочка с тазом прошла ещё до Жени. Они поспорили шёпотом, сверяясь с настоящими воспоминаниями, и выяснили, что уже путают порядок. Женя зачеркнул две фамилии, оставил пустое место. Нина удивилась, как быстро уверенность превращается в неточность. Она помнила оторванную пуговицу до мельчайших подробностей, но не могла сказать, у кого та лежала между попытками. Из этого вовсе не следовало, что попыток не было. Девочка записала отдельно то, что видела сама, и то, что услышала от других. Женя сначала назвал её педантом, потом попросил показать. В конце они поставили вопросительные знаки там, где не были уверены. Учитель физики подошёл проверить решение, увидел исписанные поля и рассердился. Нина закрыла лист ладонью, попросила дать им дописать после урока. Он ответил, что урок как раз идёт сейчас, и ушёл к доске. Женя аккуратно вырвал страницу из черновика, сложил вчетверо и спрятал в карман рубашки, под пятно от киселя.

После уроков их снова пустили к Белову, но только на пять минут. Он ел принесённую из столовой котлету, разрезая её боком вилки. Тарелка стояла на последней парте. Ольга Викторовна объяснила, что ему здесь спокойнее, поэтому пересаживать не стали. Нина вспомнила, что утром он выбирал место ради её тетради. Она хотела сказать об этом, потом испугалась, как жалко прозвучит объяснение. Получалось, что всё началось из-за списанного упражнения. Миша заметил её взгляд и накрыл ладонью открытую тетрадь.

- Я уже сам сделал, - сказал он. - Третье тоже исправил. Можешь проверить.

Почерк у него был неровный, но третье предложение теперь действительно было правильным. Нина показала на пропущенную запятую в последнем. Он поставил её, и в ту же

секунду из пустого таза возле батареи донёсся стук. Таз вернули в класс после уборки, воды в нём ещё почти не было. Миша застыл с поднятой ручкой. Нина ждала, что стук повторится. Вместо этого кто-то негромко произнёс: «Сначала закончи». Голос шёл из-за учительского стола. Ольга Викторовна стояла в дверях спиной к ним и разговаривала с директором в коридоре; обе женщины голоса не слышали.

Рита открыла нижнюю дверцу стола. Внутри были тряпка, пузырёк клея, пустая коробка из-под мела. Она осмотрела пространство за столом, провела рукой по холодной стене. Женя спросил, кто говорил. Миша ответил, что слышит это уже второй раз. Первый был, когда он хотел положить голову на руки. Ему показалось, что Ольга Викторовна велела сидеть прямо. Учительница удивилась, когда он спросил, можно ли выйти в уборную: она давно разрешила ему вставать и ходить. До уборной он так и не дошёл.

Женя отвернулся к стене и тихо ругнулся. Нина представила, что Мише придётся просить ведро, сидеть возле парты под взглядами взрослых. От этой простой подробности кабинет стал гораздо страшнее. Всё, что утром казалось игрой с дверью, касалось теперь его тела, стыда, необходимости есть и спать. Нина заметила на подоконнике стакан с водой и чужую расчёску. Кто-то уже начал устраивать ему здесь жизнь.

Мишина мать пришла без шапки. Волосы возле висков намокли, пальто было застёгнуто на одну пуговицу. Она работала в швейном цехе неподалёку и сначала подумала, что сын подрался. Увидев его за партой, женщина рассердилась на взрослых: почему подняли переполох, если он сидит целый? Она назвала его домашним именем, которое Нина раньше не слышала, и велела собираться. Миша встал сразу. Нина поняла, что он ждал именно этого голоса. Мать взяла портфель, другой рукой обняла сына за плечи, и они пошли к выходу.

Из коридора раздался короткий вскрик. Женщина стояла у стены, прижимая к себе портфель. Мальчик оказался возле парты. Он смотрел на мать и быстро говорил, что не виноват, что сам не понимает. Она вернулась, взяла его за лицо обеими руками, заглянула в глаза. Вокруг собрались взрослые. Нина отступила к окну, чтобы освободить место, и случайно задела ногой таз. Он скользнул по полу и остановился у ножки парты. Вода плеснулась на чьи-то ботинки.

Нина опустила глаза. Под партой, кроме Мишиных ног, стояла ещё одна пара. Узкие чёрные туфли с истёртыми носами были поставлены ровно, пятки вместе. Между ними лежал комок серого вязаного шарфа. Нина отдёрнула взгляд, посмотрела на крышку: за Мишей никого не было. Когда она снова наклонилась, под партой стояли только его ботинки. На полу темнела вода из таза, а в ней лежала длинная светлая нитка.

Дома Нина сказала деду, что одноклассник заболел в школе. Семён слушал, чистя картошку над газетой. Он спросил, вызвали ли врача, и, услышав, что вызвали, успокоился. Мама ещё не вернулась со смены. За окном звенел трамвай на повороте. Нина хотела рассказать про туфли, но дед уже отряхивал газету, собирая очистки. Она представила, как придётся повторять всё с самого начала, и промолчала. Вечером долго мыла ботинок под краном, хотя грязи на нём почти не было. Только обычная школьная вода с запахом мокрой доски.

Глава 4

Мел на рукаве

Во вторник первый урок перенесли в кабинет биологии. На двери пристройки висело объявление о неисправном отоплении, а рядом стояла Елена Марковна и сама направляла детей в обход. От неё пахло крепким кофе. Нина увидела на рукаве пиджака белую полоску, как от мела, и поняла, что директор оставалась в школе ночью. Миша тоже остался. Его мать сидела с ним до утра на двух придвинутых стульях. Об этом рассказала уборщица, когда девочки спускались в гардероб: женщина возмущалась, что начальство не даёт ей нормально вымыть кабинет. Рита остановилась и спросила, удалось ли вывести мальчика. Уборщица сердито ответила, что ей никто ничего не докладывает.

Нина принесла из дома термос с чаем. Мама спросила утром, зачем ей целый термос, и она соврала про чаепитие после кружка. Ложь вышла неудачной: кружка у Нины не было со второй четверти. Тамара Петровна ничего не уточнила, однако посмотрела так, что дочь почувствовала себя маленькой. Теперь Нина прятала термос за учебниками. Ей хотелось отдать его Мише самой, увидеть, что после ночи он остаётся прежним. Возле пристройки появился Борис Ефимович с раскладушкой. Ткань на ней была продавлена в середине. Нина смотрела, как завхоз протискивает её через дверь, и чай в термосе внезапно показался ненужным подарком.

На большой перемене Ольга Викторовна согласилась передать еду. Она сказала, что Белов здоров, врач приезжал и не нашёл причин для госпитализации. Елена Марковна добивается, чтобы прислали специалистов из района. Пока нужно не мешать и не распространять слухи. Рита спросила, где записано, что он здоров. Учительница сняла с её плеча прилипшую нитку и долго держала между пальцами. Потом тихо попросила не задавать ей вопросы таким тоном. Нине стало стыдно за обеих. Она взяла Риту под локоть, но та не пошевелилась.

- Вы сами видели, - сказала Рита. - Если потом скажут, что не было, вы ведь тоже скажете, что видели?

Ольга Викторовна не обещала. Она забрала термос, ушла в пристройку и вернулась через минуту с пустыми руками. Нина узнала Мишин голос: он громко попросил передать спасибо за чай и сказать, что крышка протекает. Девочка чуть не рассмеялась от облегчения. Именно эту крышку дома всё время приходилось подкладывать салфеткой. Она крикнула, что в портфеле у него должен быть пакет, и услышала короткое «нашёл». Елена Марковна появилась за спиной учительницы, закрыла дверь и осталась стоять перед ней.

После занятий Женя пошёл домой предупредить мать, а девочки задержались у гардероба. Рита хотела забрать в фотокружке проявленную плёнку. Нина обещала подождать, но через десять минут не выдержала и поднялась к пристройке. Директор ушла на совещание, у входа никого не было. Одеяло висело неровно, из-под него тянуло холодом. Нина отодвинула край и увидела Бориса Ефимовича: завхоз сидел на ящике, чинил переносную лампу. Он велел не ходить внутрь, однако Миша услышал шаги и позвал её. Нина объяснила, что заберёт термос. Завхоз помедлил, потом кивнул: только ненадолго.

В кабинете стояла раскладушка, на подоконнике лежали хлеб и две мандариновые корки. Мишина мать ненадолго ушла домой за вещами, оставив сына с медсестрой; медсестра курила на боковом крыльце, дверь во двор была приоткрыта. Нина прошла между партами. Миша достал термос из-под стула и протянул ей. За ночь у мальчика осунулось лицо, под глазами легли тёмные полосы. Нина спросила, удалось ли поспать. Он показал на раскладушку, но ответил не сразу.

Ночью он засыпал три раза и каждый раз просыпался за партой. Сложенные руки лежали на крышке, голова опускалась к тетради. Матери казалось, что он сам встаёт с раскладушки и

возвращается на место. Она следила, пока не начинала дремать, потом слышала стук и открывала глаза. Миша просил не рассказывать об этом всем. Нине стало холодно в животе. Он не мог даже выспаться без разрешения комнаты, которая спокойно принимала подарки, врача, раскладушку и превращала всё это в дополнительные вещи вокруг последней парты.

Миша попросил достать из портфеля письмо, которое начал писать утром матери. Она сидела рядом всю ночь, но после её ухода ему показалось, что проще оставить записку, чем снова рассказывать вслух. На листе было несколько строчек про больную голову и просьба принести домашние тапочки. Последнюю фразу он зачеркнул так густо, что бумага почти прорвалась. Нина не пыталась разобрать. Дала чистый лист, предложила переписать остальное. Белов сказал, что не хочет устраиваться здесь, приносить тапочки, заводить собственную полку. Ему казалось, будто каждый принесённый предмет делает комнату постоянной. Нина посмотрела на раскладушку и поняла, почему даже термос мог обидеть. Она предложила вечером забрать всё лишнее обратно. Миша покачал головой: чай нужен, без него холодно. Они помолчали. Девочка сложила недописанное письмо, убрала в наружный карман портфеля так, чтобы мать могла найти сама. Потом спросила, какую еду он терпеть не может. Белов удивился, назвал молочную лапшу. Нина пообещала проследить, чтобы её ему не принесли. Впервые за разговор мальчик посмотрел на неё без готовности успокаивать.

Она села рядом, поставила термос на пол. Миша показал ей царапины на внутренней стороне крышки. Там были буквы, перевёрнутые к сидящему: «П З» и ниже две даты, одна зачёркнутая. Он нашёл их, когда искал колпачок. Нина провела пальцем по бороздкам. В дерево забилась белая пыль. В этот момент из коридора донёсся звонок, гораздо тише обычного, будто звонили за несколькими закрытыми дверями. Миша резко схватил её за запястье. Она попыталась подняться, но колени упёрлись в нижнюю доску. Вчера под этой партой такой доски не было.

Открытая дверь теперь вела в коридор, освещённый жёлтой лампой. Бориса Ефимовича не было видно. Снаружи медсестра громко сказала кому-то: «Сейчас вернусь», и её голос оборвался посередине последнего слова. Нина потянула руку, Миша отпустил сразу, объясняя, что хотел предупредить. На учительском столе стоял стеклянный графин с гранёной пробкой. Вместо плаката с правилами пунктуации висел лист в рамке: «ПРОВЕРКА ДОМАШНЕГО ЗАДАНИЯ». Нина помнила, как утром Ольга Викторовна просила их принести ватман для нового стенда. Рамки прежде не было.

- У меня ничего не задано, - прошептал Миша. - Всё сделал. А она опять начинает.

Из-за стола донёсся шорох перелистываемых страниц. Нина видела пустой стул с продавленной обивкой. На сиденье лежала длинная белая нитка. Она попыталась встать боком, высвободила одно колено и услышала, как кто-то глубоко вздохнул у неё за спиной. Голос был женский, усталый. Он спросил, почему Сорокина разговаривает, когда уже начался урок. Девочка выпрямилась машинально, по знакомой школьной привычке, и только потом поняла, что здесь ещё никто не называл её фамилию.

Дверь распахнулась. На пороге стояла Рита с Борисом Ефимовичем, у завхоза в руке горела переноска. Свет качнулся, попал Нине в глаза. Она успела увидеть Мишу рядом с собой, его белые пальцы на краю крышки, а за ним сидящего мальчика в сером пиджаке. У того была такая маленькая голова, будто пиджак надели на ребёнка младше Сашки из соседнего подъезда. Нина дёрнулась к проходу. Нижней доски больше не было. Она выскочила из-за парты и столкнулась с Ритой возле двери. На рукаве школьного платья остался меловой отпечаток пяти пальцев.

Глава 5

Четыре окна

Рита вытерла меловой след влажным платком. Под ним кожа была цела. Нина сидела на подоконнике в основном здании, прижимая портфель к коленям, и не могла согреть зубы: они стучали, хотя в коридоре было душно. Борис Ефимович несколько раз спросил, не ударилась ли она головой. Он видел, как девочка долго сидела рядом с Беловым, потом вдруг вскочила и побежала к двери. Никакого звонка завхоз не слышал. Его удивляло только одно: переноска в руке погасла, хотя провод оставался в розетке. Когда он вошёл в кабинет, лампа снова загорелась.

Медсестра вернулась с крыльца и застала девочек уже в коридоре. Она рассердилась, что её не предупредили. Борис Ефимович не стал спорить. Отправил Нину с Ритой домой и закрыл дверь в пристройку на ключ. Перед этим спросил у Белова, нужно ли чего-нибудь. Миша попросил часы: настенные снова показывали без десяти час, а по радио в коридоре уже передавали дневные новости. Завхоз снял с запястья свои, положил на учительский стол и велел больше не смотреть на школьные. Это был единственный взрослый совет за два дня, который не пытался объяснить происходящее болезнью.

Девочки вышли через главный вход и обогнули школу. Нина хотела убедиться, что в кабинете горит свет. Рита поддерживала её под руку, но постепенно хватка стала раздражать. Нина высвободилась слишком резко, подруга отступила. Они молча прошли вдоль забора, мимо мусорных бачков и старой теплицы. Пристройка была ниже основного здания, крыша покато уходила к двору. В стене виднелись четыре окна с одинаковыми решётками для цветочных ящиков. Последнее закрывали доски, прибитые крест-накрест. Нина остановилась. Она знала двадцать четвёртый кабинет с пятого класса. Внутри у него было четыре окна, все открытые.

Возле теплицы валялась длинная рейка. Рита подняла её, стряхнула мокрый снег и стала отмечать расстояния шагами. Нина сначала раздражённо спросила, не собирается ли подруга теперь измерить всю школу. Та ответила, что лучше измерить, чем снова рассказывать о впечатлениях. Они прошли вдоль стены дважды, поменявшись местами. Шаги получались разными, поэтому Рита попросила Нину ставить ногу к ноге, как в детской игре. У четвёртого простенка девочка поскользнулась и уцепилась за кирпич. Ладонь испачкалась известью. На стене, почти у земли, обнаружилась старая горизонтальная черта, замазанная другим раствором. Она продолжалась до торца пристройки, словно когда-то обозначали уровень пола. Внутри класса пол находился выше. Девочки не знали, имеет ли это значение, но отметили на рисунке Риты. Подруга обвела место простым кружком и подписала вопросительный знак. Нина протянула рейку через решётку теплицы, чтобы не оставлять на дорожке. Теперь предмет лежал там, где не мог случайно ударить по ногам проходящего ребёнка. Эта маленькая предосторожность почему-то немного вернула ей силы.

Рита пересчитала кирпичные простенки. Соседние окна пристройки принадлежали коридору с одеялом, трудовой мастерской и маленькой кладовой. С этой стороны невозможно было понять, где начинается одна комната и кончается другая. На стыке старой и новой кладки тянулась вертикальная трещина. Борис Ефимович ежегодно замазывал её раствором, и каждый год она проступала снова. Рита достала из сумки фотоаппарат, школьную «Смену», принадлежавшую кружку. Проверила счётчик и сделала два снимка стены. Нина спросила, зачем. Подруга ответила, что завтра окна могут оказаться другими, а спорить на память она больше не хочет.

В третьем окне показался Миша. Он прижал ладонь к стеклу, показал им завхозовы часы. Рита махнула, попросила открыть форточку. Мальчик покачал головой и указал на шпингалет,

обмотанный проволокой. Это сделал Борис Ефимович, пока приезжали врачи: никто не хотел, чтобы перепуганный подросток полез наружу. Нина показала на четвёртое окно, забитое досками. Миша обернулся туда, куда она указывала. За его плечом виднелась четвёртая светлая рама. Он постучал по ней кулаком. Снаружи в том месте лежала сплошная кирпичная стена между третьим окном и досками.

Нина отступила до теплицы. Земля под ногой хрустнула, каблук провалился в пустую консервную банку. Она выдернула ботинок, чуть не упала. Рита помогла удержаться, на этот раз не касаясь руки, только подставив плечо. Девочки менялись местами, смотрели вдоль стены, пробовали соединить внутреннюю раму с наружным проёмом. Не получалось. Миша терпеливо ходил от окна к окну. В одном он появлялся нормально, в соседнем его лицо уходило за кирпич. Там, где должны были стоять доски, внутри класса висела таблица с окончаниями прилагательных. Белов показал им её край и развёл руками.

Из школы вышла его мать. Женщина несла пакет с постельным бельём и куртку в руках. Борис Ефимович догнал её у крыльца, что-то объяснял, показывал на окна. Она слушала плохо. Увидев девочек, сама подошла и спросила, давно ли они смотрят на сына. Нина испугалась, что их сейчас обвинят в любопытстве, но мать хотела знать другое: Миша не звал ли её, пока она ходила домой? Девочка ответила, что не звал. Женщина прислонилась к теплице, достала сигарету, долго искала спички. Рита протянула коробок, взятый для проявочной лампы, и сразу покраснела. Мать Белова даже не заметила.

- Он мне вчера сказал: иди уже, опоздаешь на работу, - произнесла она. - Будто я его на продлёнке оставила. А ночью начал просить домой. Тихо, чтобы остальные не слышали.

Нина спросила, как её зовут. Женщина посмотрела с удивлением, потом ответила: Светлана Аркадьевна. Раньше для класса она существовала только как Мишина мама, строгая, в клетчатом пальто, иногда приносившая рулоны ткани на школьные спектакли. Нина повторила имя про себя. Ей казалось важным удержать его отдельно от кабинета, потому что внутри всё превращалось в школьные обозначения: больной ученик, мать учащегося, оставлен под наблюдением. Светлана Аркадьевна докурила до самого фильтра и спрятала окурок в пустой спичечный коробок.

Дома Нина рассказала деду про дверь. Он сначала перебивал, потом отложил хлебный нож и сел рядом. Сегодня на столе были макароны, но девочке всё равно мерещился вчерашний газетный шорох. Семён велел ей показать рукав. Меловой след почти сошёл, оставив грязный ободок у локтя. Дед долго ощупывал ткань, затем спросил, почему она не позвала его сразу. Нина ответила, что не знала, что говорить. Он нахмурился, достал из шкафа пальто и пошёл в школу, не дожидаясь дочери со смены.

Вернулся через час. Его пустили к директору, к Мише не пустили: в кабинете работали приезжие медики. Семён говорил, что теперь всем занимаются серьёзные люди, надо дать им время. При этом он не снял пальто до конца разговора, сидел в прихожей на табурете и держал шапку на коленях. Нина спросила, поверил ли он. Дед посмотрел на неё с досадой, словно вопрос был несправедлив. Потом расстегнул верхнюю пуговицу и признался, что у двери в пристройку слышал детский голос. Мальчик повторял одну фразу: «Я принёс, проверьте». Врач сказал Семёну, что Белов в это время молчал.

Глава 6

Мать Белова

В среду утром во двор школы приехала пожарная машина. Детей оттеснили от забора, хотя огня не было. Директор стояла возле пристройки вместе с мужчиной в кожаном пальто. Светлана Аркадьевна спорила с ним, показывая на третье окно. Нина с Ритой остановились возле теплицы. Миша был виден за стеклом, он держал наготове портфель и свою куртку, которую мать забрала у двоюродного брата. Надевать её не спешил: в заёмной было теплее. На этот раз она решила вывести его через окно. Вчера вечером об этом говорили как о крайней мере. Сегодня лестница уже лежала на земле, и Борис Ефимович разгибал проволоку на шпингалете.

Рите разрешили остаться: в школе знали, что она занимается фотографией, и мужчина в кожаном пальто попросил снять стену перед работой. Нине велели идти на урок. Она отошла к крыльцу, но не вошла. Из окна донёсся Мишин голос, бодрый, нарочно громкий: он просил не сломать раму, а то потом повесят на родителей. Пожарный поднялся по лестнице и рассмеялся. Светлана Аркадьевна не смеялась. Она сняла пальто, осталась в кофте, будто сама собиралась лезть следом. Нина заметила у неё на плече широкую белую нитку и вспомнила туфли под партой.

Раму открыли внутрь. Белов сел на подоконник, свесил ноги наружу. Нина видела его ботинки над лестницей. Всё выглядело так просто, что хотелось обидеться на взрослых за потерянные двое суток. Пожарный протянул руку. Миша взял её, повернулся боком. Его правая нога встала на ступеньку. Лестница коротко задрожала, пожарный выругался и прижался к раме. Мальчик исчез. Из класса донёсся тяжёлый удар. На подоконнике остался портфель, раздавленный одной створкой.

Светлана Аркадьевна бросилась в школу. Мужчина в пальто побежал следом, Борис Ефимович полез по лестнице. Рита опустила фотоаппарат. Нина стояла у крыльца, понимая, что надо тоже идти, но ноги не слушались. Пожарный продолжал висеть на верхней ступеньке и смотреть внутрь кабинета. Она подошла к стене и подняла голову. Через открытую раму было видно, как Миша лежит между последней партой и задней стеной. Он держался за предплечье. На щеке у него белела полоса, оставленная краем деревянной крышки.

Скорая приехала спустя двадцать минут. Врач осмотрел руку, наложил шину и сказал, что нужна рентгенография. Эту фразу Нина слышала из коридора: её наконец впустили в школу, и она устроилась у стены, пока остальные сидели на алгебре. Елена Марковна несколько раз просила объяснить, как вывезти ребёнка. Врач отвечал раздражённо, потом сам попытался пройти с Мишей к двери. Нина отвернулась раньше, чем они дошли до порога. Скрип стула всё равно раздался, как вчера. Когда она посмотрела снова, мальчик сидел за партой, а белая косынка поддерживала руку. Врач стоял в коридоре и смотрел на собственные носилки.

Пожарный спустился с лестницы и подошёл к директору снаружи. Нина слышала его через открытое окно коридора. Он не пытался оправдываться, просто повторил порядок движений: мальчик сел, подал правую руку, поставил ногу на ступеньку. Рука не выскользнула, не стала скользкой. В ней вдруг ничего не оказалось. Мужчина показал ладонь, где осталась красная полоса от Мишиного рукава. Коллега предложил записать, что ребёнок сорвался внутрь при выходе через окно. Пожарный покачал головой. Сказал, что внутрь тот не падал через раму, рама оставалась перед ним, он видел пустой подоконник. Директор попросила подписать объяснение. Мужчина согласился и пошёл в основное здание. Нина следила за ним, пока он не скрылся за углом. Его признание не помогло вытащить Мишу, но изменило то, что ещё минуту назад собирались назвать несчастным случаем по неосторожности ребёнка. Девочка вытерла

ладонью запотевшее стекло. Ей хотелось запомнить лицо человека, который не выбрал самое удобное из доступных объяснений.

После этого врач перестал говорить громко. Вызвал по рации кого-то старшего, закрыл дверь перед учениками и попросил убрать толпу. Елена Марковна отправила девочек в библиотеку. Рита послушалась только после того, как директор пообещала записать, что произошло с окном. Нина подумала, что подруга вцепилась в записи от страха. Но когда они шли через вестибюль, заметила, как мужчина в кожаном пальто диктует секретарше: «При попытке самостоятельно покинуть помещение получил травму». Нина остановилась. Рита уже поворачивала обратно.

- Он не самостоятельно, - сказала она. - Его держал пожарный. Вы приказали. Мы все видели.

Мужчина спросил фамилию. Рита назвала полностью, добавила класс и отчество отца. Нина впервые увидела, как легко взрослая уверенность может дать трещину от знакомого имени. Мужчина зачеркнул несколько слов, начал диктовать заново. Она не успела услышать новую фразу: Елена Марковна увела их дальше, положив ладони на плечи обеим. В библиотеке директор попросила посидеть тихо и никому не рассказывать о травме до приезда родителей. Нина спросила, чьих родителей. Елена Марковна выдохнула и ответила: всех, кто был рядом.

Библиотекарь Вера Ильинична поставила перед ними тарелку сухарей. У неё всегда были сухари, которые она называла печеньем, и девочки обычно не поправляли. Сегодня Нина не могла откусить даже уголок. Женщина расспрашивала, что случилось, но, когда Рита начала говорить про третье окно, уронила ложку. Та ударилась о ножку стола и скользнула под шкаф. Вера Ильинична наклонилась, не нашла, выпрямилась с красным лицом. Нина заметила, что её руки дрожат. Библиотекарь отвернулась к полкам и спросила, какая парта у Белова.

Рита показала на пальцах третий ряд. Нина поправила: средний, последняя. Вера Ильинична медленно кивнула, словно услышала ожидаемый ответ. Достала из ящика старую читательскую карточку и тут же спрятала обратно. Нина успела увидеть только край, потемневший от частого перелистывания. Женщина сказала, что после ремонта мебель наверняка поставили неудобно, проход тесный, ребёнок ударился. Рита отодвинула тарелку. От сухаря на стол упала крошка, и библиотекарь принялась сметать её ладонью, хотя та прилипла к влажной клеёнке.

В обед пришёл Семён. Директор позвонила ему, потому что Тамара Петровна была на маршруте. Дед выслушал рассказ Нины, затем пошёл к секретарше и попросил лист бумаги. Он написал заявление от своего имени, перечислил всё, что внучка видела, и потребовал зарегистрировать. Нина смотрела на его согнутую спину и думала, что вчера зря злилась на него за слова о серьёзных людях. Теперь он старательно выводил каждую букву, чтобы никто не смог сказать, что старик неправильно понял. На слове «исчез» ручка остановилась. Семён поднял глаза на Нину, и она молча кивнула.

Глава 7

Переплетённый журнал

Веру Ильиничну девочки застали одну. После обеда библиотека пустела, и женщина обычно раскладывала по столам учебники для переплёта. Теперь перед ней лежали ножницы, полоски марли и раскрытая коробка с карточками. Увидев Риту, библиотекарь накрыла коробку журналом. Нина заметила жест, но говорить начала о другом: попросила телефон матери Белова. Они собирались принести ему магнитофон с наушниками, нужно было узнать, разрешает ли врач. Вера Ильинична записала номер на обороте ненужного формуляра, старательно оторвала нижнюю часть и протянула девочке. Сверху осталась чужая фамилия, которую женщина сразу убрала под ладонь.

Рита сказала, что парта стояла у среднего ряда, и спросила, кому она принадлежала раньше. Библиотекарь ответила, что не помнит мебель поштучно. Тогда Нина рассказала о буквах внутри крышки. Вера Ильинична перестала резать марлю. Некоторое время она смотрела на ножницы так, будто забыла, зачем взяла их. Потом поднялась, заперла дверь со стороны библиотеки и попросила девочек отойти от окна. Нина подчинилась. Рита осталась стоять, не желая показывать, что ей страшно. Женщина сказала ей почти сердито: «Лукина, сядь, пожалуйста», и в этом «пожалуйста» было больше просьбы, чем приказа.

Старые журналы хранили в тесной комнате за читальным залом. Часть уже передали в архив, но за несколько лет остались подшитые копии приказов, ведомости, личные дела выбывших. Вера Ильинична объяснила, что документы собирались увезти летом, потом не нашлось машины. Она не стала включать верхний свет, принесла настольную лампу. Под её зелёным абажуром кожа рук казалась серой. Нина помогла сдвинуть коробку с журналами мод. Рита села на корточки перед нижней полкой и прочитала надпись на корешке: «1981. Восьмые классы».

Переплёт был новый, красный, а внутри листы пожелтели по краям. Кто-то подшивал несколько тонких тетрадей в одну книгу, сохранив оригинальные обложки. Восьмой В начинался в середине. На первом листе перечислялись тридцать две фамилии. У седьмой Нина остановилась: Зуев Павел Константинович. Дата рождения указывала, что в ноябре восемьдесят первого ему было четырнадцать. На полях стояла запись «переведён», обведённая прямоугольником. Дата выбытия приходилась на девятнадцатое ноября. На соседнем листе в этот день шла проверочная работа по русскому языку.

Вера Ильинична сказала, что Павел перестал ходить в школу раньше, четырнадцатого. Его искали несколько дней, потом решили, что мать увезла к родственникам. Нина спросила, кто решил. Женщина провела ногтем по шву переплёта. Бывший завуч Николай Андреевич оформлял бумаги, директор тогда лежал в больнице. Павлова мать работала в прачечной, её постоянно видели возле школы. Нине показалось, что библиотекарь хочет объяснить, почему не поверила слухам, но вместо этого Вера Ильинична спросила, знают ли они улицу за старым хлебозаводом. Там Зуевы жили и до сих пор живут.

Рита подняла глаза. Если мать осталась здесь, почему говорили об отъезде? Вера Ильинична ответила, что сама она в тот год недавно устроилась и многого не знала. Рита уже приготовилась возразить, но Нина наступила ей на ботинок. Женщина показывала им документы, рискуя работой, и сейчас любой резкий вопрос мог закрыть коробку раньше, чем они прочтут остальное. Нина попросила разрешения выписать адрес. Библиотекарь кивнула и достала формуляр, который прятала при их появлении. На нём было написано, что Павел должен библиотеке «Два капитана».

Вера Ильинична отодвинула лампу, чтобы свет падал на страницу сбоку. Под тонкой бумагой виднелись вдавленные следы предыдущих записей. Рита попросила карандаш и чистый лист, хотела сделать оттиск, но библиотекарь запретила: графит может попасть на документ. Тогда девочка просто наклонилась ниже и прочитала ещё две фамилии, не связанные с Зуевым. Напротив обеих фамилий стояли обычные оценки за следующие месяцы. Нина почувствовала неожиданное облегчение: другие дети после того ноября продолжали учиться, получали тройки, болели, ходили в театр. Красный переплёт хранил целый год, в котором отсутствовала одна жизнь. Они нашли ведомость выдачи учебников. Павел получил все в начале сентября, рядом с его фамилией расписалась мать. Эта подпись была короткой, угловатой, совсем не похожей на плавные школьные росчерки. Нина зарисовала её форму на полях своего листка, не собираясь изображать настоящую подпись. Рита попросила поставить пометку, что это только наблюдение. Библиотекарь впервые одобрительно посмотрела на неё и подала второй чистый лист, чтобы запись не смешивалась с выписанным адресом.

Книгу он взял одиннадцатого ноября, вернуть должен был через две недели. Вера Ильинична сохранила карточку, потому что мать приходила с просьбой: если вернёт кто-нибудь другой, позвонить ей, обязательно спросить, где нашли. За семь лет книга так и не появилась. Нина представила маленькую серую карточку, пережившую переезд шкафов, смену директора, летние ремонты. Нельзя было понять, была ли она свидетельством надежды или вины. Библиотекарь взяла её обратно с таким облегчением, что Нина не стала просить подержать ещё.

На странице посещаемости четырнадцатого ноября у Зуева стояло «н». При этом за тот же день в предметном разделе была выставлена двойка. Ниже на полях учительским почерком значилось: «Оставлен до выполнения». Нина прочитала вслух. Вера Ильинична вздрогнула и попросила тише. Двойку поставили по русскому. Подпись учительницы разобрать не удавалось, но инициалы были «Е. Г.». Женщина назвала её: Екатерина Григорьевна, умерла в восемьдесят втором. Вела русский, заведовала кабинетом двадцать четыре. Нина вспомнила пустой стул, графин, голос, узнавший её фамилию.

Рита достала фотоаппарат. Вера Ильинична схватила её за запястье и тут же отпустила, испугавшись собственной резкости. Запретила снимать документы: если узнают, что она пустила школьниц в архив, придётся всё объяснять. Рита спросила, можно ли хотя бы переписать. Женщина согласилась. Пока Нина выводила фамилии и даты, подруга внимательно рассматривала страницу. В нижнем углу бумага была вытерта почти до дыр. Под зачёркнутой записью просматривалось другое слово, начинавшееся на «ос». Рита наклонила лист к свету, не касаясь пальцами, но прочитать не смогла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.